

ВАРИАТИВНОСТЬ ФОРМ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

VARIABILITY OF FORMS IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE: SOCIOLINGUISTIC APPROACH

T. Kravtsova

Annotation

The article reveals reasons of variability of forms and separation of the sub-standard level in the modern French language in the context of social variability. The author analyses the development of standard and sub-standard linguistic forms according to social differentiation of a speech community.

Keywords: social variability, social differentiation of the language, sociolinguistics, speech community, the standard and sub-standard levels of the French language.

Кравцова Татьяна Владимировна
К.филол.н., доцент, Ростовская
государственная консерватория
им. С.В. Рахманинова

Аннотация

Статья посвящена выявлению причин вариативности форм современного французского языка и обособленности французского языкового субстандарта в контексте социальной вариативности. Анализу подвергается вопрос развития стандартных и субстандартных языковых форм в их зависимости от социальной дифференциации языкового коллектива.

Ключевые слова:

Социальная вариативность, социальная дифференциация языка, социолингвистика, языковой коллектив, французский стандарт и субстандарт.

Как известно, стилевое разграничение характеризует любой развитый живой язык, и среди всех стилей разговорный является наиболее подвижным, склонным к реагированию на малейшие изменения в обществе и, таким образом, фактически живым организмом всей языковой системы. Более того, разговорный стиль, или разговорная речь, выступает некоей оппозицией литературной нормативности в целом. И научный, и публицистический, и официально-деловой стили речи характеризуются полным соответствием нормам грамматики, лексики и (в случае устной формы общения) орфоэпии, а также ограничением допускаемых вариантов, отклонения от которых (равно как и они сами) становятся нормированными в течение крайне длительного периода. Даже стиль литературных произведений, который некоторые лингвисты выделяют в отдельный, "литературный" стиль речи, хотя и подвержен трансформациям в гораздо большей степени в сравнении с научным, публицистическим и официально-деловыми стилями, но все же не может конкурировать в плане изменений с разговорным стилем даже с учетом стремления многих писателей и поэтов передать специфику живой разговорной речи. В пределах анализируемого в настоящей статье языкового стиля существует определенная градация подстилей, нормативность употребляемых языковых средств которых прямо пропорциональна

уровню самого подстиля: чем он ниже, тем менее соответствует литературной норме.

Влияние данного стиля на становление и функционирование любого языка объяснимо: это средство повседневного общения всех без исключения членов того или иного языкового коллектива. Даже люди образованные, владеющие литературной формой языка (которая, кстати сказать, частично выступает аналогом разговорной речи, но качественно иного уровня), прибегают к разговорному стилю, в частности, в ситуациях общения с представителями менее образованных слоев населения. Особенности анализируемого стиля речи объясняются спецификой бытовой коммуникации, аспекты которой тесно взаимосвязаны: среда и условия общения; в большинстве своем, устная диалогическая форма; спонтанность; использование экстралингвистических средств (например, жестов, мимики), главным образом, для замены вербальных средств; краткость высказываний (в основном простые предложения так называемой "рваной" структуры); употребление побудительных и вопросительных предложений чаще, чем повествовательных, что влечет за собой использование множества вводных слов и междометий в стремлении вовлечь собеседника в непосредственное обсуждение проблемы; практически постоянная смена темы общения с возможностью моментального возврата

к ранее обсуждаемой теме; наконец, эмоциональность и экспрессивность.

Все вышесказанное относится, в том числе, к французскому языку, в котором разграничение речи литературной / разговорной выражено ярче, чем, например, в русском языке. В последнем не наблюдается больших отклонений от норм синтаксиса, в частности, в связи с отнесенностью слабой строгостью порядка слов в предложении. Однако мы постоянно сталкиваемся с нарушением норм морфологии из-за наличия сложной системы спряжения и склонения, а также норм орфоэпии, что связано, главным образом, с подвижностью и разноместностью русского ударения. Французский же язык "письменный" [синоним "литературный"] и язык устный [синоним "разговорный"] так далеки друг от друга, что можно сказать: по-французски никогда не говорят так, как пишут, и редко пишут так, как говорят" (Ж. Вандриес) [цит. по Гак, 130] (вставки наши – Т.К.). Подтверждением высказыванию французского лингвиста может служить пример из жизни автора настоящей статьи. В недавнюю бытность переводчиком, когда работа ведется, естественно, на литературной языковой норме лишь с незначительным привлечением разговорных слов и выражений, мы услышали от одного из носителей французского языка следующее: "Вы говорите на языке наших литературных классиков. Как приятно слышать такую правильную французскую речь! К сожалению, мало кто из нас самих умеет так говорить на своем родном языке".

Почему же во французском языке столь ярко выражена дифференциация речи литературной и разговорной – та дифференциация, которая вылилась в понятие современного французского стандарта и субстандарта? При чем это разграничение, пролегающее в области и орфоэпии, и лексики, и даже грамматики, столь существенно, что любой, владеющий только литературной формой языка, столкнется с трудностью понимания изречений на живом современном французском разговорном языке. Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, следует искать, главным образом, в истории развития самого языка и установлении его нормы.

Еще в галло-романский период (5–9 века), когда не существовало даже понятия собственно французского языка, наличествовал его так называемый социальный фактор, при котором социальный статус конкретного языкового коллектива накладывает отпечаток на развитие языка в целом через использование определенных средств речи. С течением времени разграничение французского языка согласно социальному расслоению общества усиливалось и, в конечном счете, привело к выделению франсийского диалекта, который в конце эпохи Средневековья приобрел статус языкового стандарта всей страны, поскольку являлся языком королевской власти и, соответственно, высших слоев французского

общества. Естественно, данный диалект, проникнув во все сферы жизни государства, был утвержден в качестве единственного средства официального общения. При этом понятие франсийского диалекта вылилось в понятие собственно французского языка, норма которого (фактически норма франсийского диалекта) установилась в 17 веке.

Однако даже со становлением нормы во французском языке долгое время наличествовало не просто разграничение, но огромная пропасть между речью нормированной (языком королевской власти) и разговорной, соответствующей речи обывателей. В то время простой народ, составлявший подавляющее большинство населения Франции, во всей своей массе был необразованным и имел представление о нормированном языке только из общения со знатью. Постепенно формирующееся среднее социальное звено в лице мелкой буржуазии, крупных торговцев и им подобных слоев французского общества стремилось в своей речи к соответствию языковой норме, что, в конечном счете, привело к выделению особой языковой формы. Другими словами, с течением времени произошла социальная дифференциация французского языка: одновременно сосуществовали литературный язык в его книжной (язык знати) и разговорной (язык среднего класса общества) формах, а также народно-разговорная речь, или просторечие (язык остальной части населения страны). Кроме того, как и в любом другом развитом живом языке, функционирующем на обширной территории единого государства, имелись различные диалекты. Сразу отметим, что такое расслоение языка касалось, в основном, лексического пласта и, в меньшей степени, орфоэпических норм. Грамматический же уровень в целом оставался неизменным, но с присущими каждой языковой форме отличительными вариантами различных конструкций.

Интересно отметить, что данная дифференциация французского языка, произошедшая под влиянием социального разграничения общества (одна из характерных черт развития государств того времени), не просто сохранилась до стирания столь ярко выраженных границ между слоями французского социума, но усилилась из-за (или благодаря?) выделения еще одной языковой формы – арго. Более того, в таком виде это языковое расслоение дошло до наших дней. Несмотря на высокий по сравнению с вышеописанным временем уровень грамотности (в данном случае мы имеем в виду хотя бы минимальное умение читать и писать безотносительно к высокому / низкому уровню владения языком в целом), в современной Франции до сих пор существует явное отличие нормированного французского языка от других, ненормированных его форм (вспомним высказывание лингвиста Ж. Вандриеса, процитированное ранее в настоящей статье). При этом к использованию в своей речи языковых средств, характерных для французского суб-

стандарта, прибегают не только деклассированные или просто малограмотные слои французского общества. Писатели, поэты, журналисты и даже политики говорят и творят как на чистом литературном французском языке, установленном нормализацией 17 века, или на его разговорной разновидности, так и на просторечии и даже аргю. Следовательно, на современном этапе развития французского языка социальное разграничение общества не оказывает особого влияния на предпочтение говорящими высокой или сниженной языковой формы.

Возможно предположить, что данное явление имеет место в связи со стиранием границ между социальными слоями французского общества в той степени, в которой они наличествовали еще некоторое время назад, не говоря уже о периоде 17–19 веков. Тем не менее, исследуя историю вопроса и сопоставляя ее с ситуацией современного этапа развития французского языка, мы можем утверждать следующее: в выборе той или иной языковой формы огромное значение приобретают, прежде всего, ситуативность и роль собеседников, которую они сами выбирают для конкретного акта коммуникации вне зависимости от их социальной принадлежности. Кроме того, эмоциональность речи, заключающаяся в использовании, в первую очередь, соответствующих вербальных (!) средств, становится все более значимой в сравнении с речевым актом, в котором наличествует, главным образом, эмоционально-нейтральная лексика, но в сочетании с эмотивно выраженными невербальными средствами коммуникации. Одним из доказательств вышесказанному может служить тот факт, что прежде французская разговорная речь считалась не просто отклонением от языковой нормы, но ее грубым нарушением, в то время как в современном французском языке обе его основные формы – нормированная и субстандартная – сосуществуют, и трудно сказать, которая из них занимает главенствующее положение, например, в ситуации повседневного общения.

Обратим внимание на еще одну форму языка, ставшую крайне популярной в современной Франции и, более того, оказавшую (и до сих пор оказывающую) влияние на развитие французского языка в целом: аргю – обособленная языковая форма, служащая для кодификации информации и придания речи эмоциональности. Аргю полностью выходит за рамки нормированности, а его употребление с самого начала считалось признаком деклассированности говорящего. Какую же роль сыграл социальный фактор в данном случае? Обратимся к краткой истории выделения французского аргю.

В письменных памятниках французского языка существование аргю прослеживается с 13 века, а первый документ, подтверждающий его функционирование, относится к 15 веку. Само слово *l'argot* появилось в 17 веке в значении сообщество воров, а позже употреблялось в

отношении их секретного языка. Таким образом, изначально французское аргю представляло собой жаргон преступного мира, однако спустя некоторое время ситуация изменилась. Громкий процесс над главарем преступного мира Луи Домиником Картушем привлек внимание не только и не столько простых парижан, но и представителей высших слоев французского общества. На наш взгляд, трудно сейчас точно определить, почему французская аристократия заинтересовалась этим процессом. Одной из причин, скорее всего, стал составленный во время допросов арестованных словарь специализированных наименований, служащих для кодификации передаваемой преступниками друг другу информации. Интерес ко всему тому, что связано с описываемой ситуацией, был так велик, что уже в начале 18 века издается и ставится пьеса "Картуш и воры", а затем публикуется поэма "Наказанный грех, или Картуш", в приложении к которой содержится небольшой словарь арготизмов [Calvet, 21]. Эти термины и предопределили дальнейшую судьбу не только аргю, но и французского языка в целом. Яркие, удивительные, а подчас и мистические для высокого стиля того французского языка, который принято теперь называть классическим, они появились, так сказать, в нужном месте и в нужное время. Потребность во всем новом и, тем более, необычном для языка французской знати, равно как и желание выделиться привели к установлению некоей моды на употребление в речи арготических слов и выражений, что, в свою очередь, послужило толчком к исследованию аргю в целом. Постепенно этот особый язык утратил свой тайный характер и в середине 19 века вышел за пределы начальной среды, став известным людям, не имеющим никакого отношения к преступному миру.

Несколько позже арготизмы начали смешиваться с просторечием, что, в конечном счете, привело к внедрению некоторых из них в повседневную речь образованной части французского общества. Как следствие, лексика аргю стала проникать в язык художественной литературы и, в некоторых случаях, во французскую литературную норму. Впоследствии появились различного рода публикации о французском аргю, такие как словари (например, A. Delvau "Dictionnaire de la langue verte", L. Larchey "Dictionnaire historique d'argot"), статьи, эссе и даже книги об аргю, среди которых классическими уже стали исследования Сенеана ("Sources de l'argot ancien") и А. Доза ("Les argots") [Calvet, 30].

Чем же вызван такой интерес населения Франции в целом к арготическому ярусу языка? Ведь если сравнить его, например, с русским жаргоном преступников в отношении употребления в речи даже обывателей, не говоря уже об интеллигенции или просто образованной части российского общества, то ситуация абсолютно иная. Использование подобных слов и выражений в русском языке свидетельствует об ограниченности, плохом вла-

дении языком, наконец, невоспитанности говорящего и даже в условиях ситуативной избирательности является недопустимым для многих слоев российского общества, чего нельзя сказать о французах, для которых арготизмы все более и более становятся нормой. Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует, на наш взгляд, обратиться к словообразовательному аспекту французского арго.

В настоящее время во французском арго помимо терминологической лексики, обозначающей специфические понятия профессиональной деятельности преступников, выделяется оценочная лексика. Мы уверены, что наличие именно этого пласта предопределило судьбу арго относительно других языковых форм. Внедрение арготической лексики во французский стандарт началось в середине 19 века, когда наблюдался резкий скачок в развитии практически всех областей человеческой деятельности, и техногенный фактор стал, на наш взгляд, одним из решающих в данном процессе. Все реалии окружающей действительности находят свое отображение в словарном составе любого языка, а то, что призвано вызывать определенные эмоции, требует использования особого вокабуляра. Соответственно, великие достижения в науке и технике 19–21 веков должны характеризоваться более эмоционально, нежели посредством нейтральных *bien* хорошо или *magifique* великолепно, ведь такие арготизмы, как *super* супер или *quadri bien* сверхудачно, *mega* хорошо воздействуют на психо-эмоциональное состояние реципиента в гораздо большей степени. Кроме того, легче и быстрее охарактеризовать какую-либо реалию, используя определенный аффикс субъективной оценки, нежели употребляя словосочетание и, тем более, придаточное предложение. Например, в арготическом *Amerloque* (от нейтрального *Americain* американец) уже содержится эмоционально-субъективная оценка, так как французы при уважительном отношении к представителю этой страны не назовут его американишкой.

Немаловажным аспектом в отношении употребления арготических лексических единиц выступает ее длина, и в данном случае также прослеживается влияние социального фактора в виде технического прогресса. За последние 200 лет темп жизни возрос в несколько раз, что связано с бурным ростом науки и техники. Человек боится не успеть за всем тем, что его окружает в век высоких скоростей и технологий, которые диктуют свой ритм и темп деятельности. Как следствие, в силу вступает лингвистический закон экономии языковых средств: в повседневном общении за предельно короткий срок необходимо передать максимальное количество информации, и достичь этого позволяет, в том числе, употребление небольших по длине лексических единиц и/или усечение таковых. С учетом их наличия во французском субстандарте отпадает необходимость употребления

аналогичных по значению, но длинных и нейтральных по эмотивности лексем языкового стандарта. Другими словами, современные французы предпочитают употреблять субстандартные лексические единицы, сокращая тем самым затраченное на передачу необходимой информации время.

Таким образом, в вопросе обособленности разговорного стиля речи в целом и субстандартного уровня, в частности, в современном французском языке решающую роль сыграл именно социальный фактор – сначала в виде социального разграничения общества, а затем в установлении моды на употребление особых лексических единиц, отличающихся от аналогичных нормированных лексем формой, оттенком значения, наконец, эмоциональностью. Кроме того, нельзя обойти вниманием тот факт, что французская разговорная речь выделилась практически в отдельный язык, хотя данное утверждение остается спорным. Конечно, субстандарт в целом не является формой, отдельной и/или полностью отличной от литературной нормы французского языка. Это дополнительное, более того, вторичное средство общения на собственно французском языке с учетом присущих ему правил, особенностей и тенденций. Другими словами, это одна из форм французского языка, неотделимая от такового, и обязательным условием владения этой формой выступает владение собственно современным французским литературным языком. Однако невозможно не учитывать тот факт, что особенности, отличающие французский субстандарт от литературной формы языка, пролегают не только в области лексики, но также фонетики и даже грамматики. Повторим и то, о чем сказали еще в начале статьи: особенности эти столь существенны, что и носителю языка, не обладающему достаточными знаниями в данной области, трудно уловить даже смысл высказывания на французском просторечии и особенно арго.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что даже на современном этапе развития французского языка при общении на его субстандартных формах предполагается наличие фактора ситуативности: что дозволено в одном случае, невозможно в другом, так как свидетельствует о низком культурном уровне говорящего и/или его пренебрежительном отношении к собеседникам. Хотя и в данном случае грань дозволенности / запрета стирается под влиянием все той же моды на выразительные, экспрессивные лексемы субстандarta. Наконец, с учетом повсеместного употребления таких слов и выражений представителями различных социальных слоев современной Франции (естественно, в условиях вышеописанной ситуативной избирательности) данные языковые формы уже не считаются явно стилистически сниженными, а, например, арго – языком только преступного мира. Последнее, в свою очередь, выступает причиной постоянных изменений внутри субстандarta: стремле-

ние к использованию выразительной субъективно–оценочной лексики приводит к появлению новых, ранее не столь распространенных, а подчас и абсолютно неизвестных французскому языку словообразовательных элементов, придающих речи ярко–эмоциональную, экспрессивную окраску.

Последний вопрос, который, как мы считаем, следует поднять, – это вопрос установления моды на употребленные субстандартных слов и выражений во французском языке. По какой причине в свое время среди аристократов Франции (напомним, что именно они устанавливали норм языкового общения) возникла потребность в ис-

пользовании указанных лексем и почему подобного не произошло, например, в русском языке?

В рамках настоящей статьи мы попытались дать ответ на поставленный вопрос, но довольно поверхностно, поскольку уверены, что словообразовательный и эмоциональный аспекты французских субстандартных лексических единиц, хотя и выступают основополагающими, но далеко не единственными причинами данного процесса. Следовательно, выявление всех причин вышеописанной проблемы должно стать предметом скрупулезного (вероятно, компаративного) анализа в рамках отдельного исследования и, соответственно, другой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Введение во французскую филологию. – М.: Просвещение, 1986. – 182 с.
 2. Calvet L.–J. L'argot. – Paris: PUF, 1999. – 127 p.

© Т.В. Кравцова, (denezhkin@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC–EXP02018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли